

М. М. Хмяляйнен

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

До сего времени у нас еще нет нормативной грамматики финского языка. Нужда же в такой грамматике в нашей республике большая.

В республике ведется большая работа на финском языке. В составе Университета уже несколько лет существует финно-угорское отделение, в Педагогическом институте организовано отделение, которое готовит преподавателей финского языка и литературы для национальных средних школ. Упомянутые высшие учебные заведения остро нуждаются в нормативной грамматике финского языка. Такая грамматика необходима и методистам по финскому языку, учителям, преподавателям финского языка средних школ, составителям грамматик финского языка для начальной и средней школы, работникам редакций и издательств, переводчикам и т. д. Таким образом, составление грамматики финского языка является актуальной задачей.

В то же время составление нормативно-описательной грамматики финского языка представляет собой исключительно сложную задачу.

К этому присоединяются трудности, связанные с малочисленностью работников в области финского языка. Недостаточность квалифицированных работников в этой области создает трудности не только в исследовательской работе, но и во всех звеньях, где ведется в той или иной степени работа по финскому языку.

Несмотря на это, мы все же решились приступить к составлению нормативно-описательной грамматики финского языка, ибо жизнь требует ее от нас.

* * *

Господствовавшее в течение ряда лет так называемое „новое учение о языке“ Н. Я. Марра и аракчеевский режим в области языкознания причинили немало вреда в изучении грамматического строя языка при составлении грамматик. Всем известно нигилистическое и высокомерное отношение Марра и его „учеников“ к грамматике. Марр не только пренебрегал грамматикой, но он ставил под сомнение самое существование грамматики. В 1930 г. он писал: „А нужна ли вообще грамматика... чтобы заниматься ее реформированием или нереформированием?“¹ В 1931 г. он говорил уже о ликвидации грам-

¹ Н. Я. Марр. К реформе письма и грамматики. Журн. „Русский язык в школе“, 1930, стр. 290.

матики, ее уничтожении: „Итак, долой грамматику! Зачем? Заменить изложением динамики языка, его стройки“.¹

И. В. Сталин подверг уничтожающей критике бредовые идеи Марра о грамматике: „Н. Я. Марр считал грамматику пустой „формальностью“, а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо“.²

После работ И. В. Сталина по вопросам языкознания и языковедческой дискуссии, проведенной на страницах „Правды“, значительно прояснились многие вопросы грамматики, которые оказались запутанными в результате „учения“ Марра. Однако нельзя сказать, что у нас нет уже никаких трудностей при составлении грамматик. Они имеются, и их довольно много. Но эти трудности носят уже иной характер, и они должны быть преодолены.

* * *

Составляемая коллективом авторов грамматика финского языка содержит две части.

В первую часть грамматики будут включены, помимо ее основной части — морфологии, также такие разделы, как фонетика, орфография и словообразование. Вторая часть будет посвящена синтаксису.

Уже на первой стадии составления грамматики возникли вопросы, которые требуют специального изучения. По нашему мнению, прежде всего в пересмотре нуждается трактовка некоторых грамматических категорий, принятая в финских грамматиках по традиции.

При составлении нормативной грамматики необходимо внести некоторые изменения в истолкование грамматических категорий и правил. Необходимо сделать оговорку, что нами не ставится вопрос о реформе финского литературного языка. Речь идет только о системе изложения и правильном научном освещении некоторых разделов грамматики финского языка.

Приведем некоторые примеры поправок, на которые следовало бы обратить внимание при составлении грамматики.

Так, необходимо внести небольшие уточнения и изменения в существующий алфавит финского языка. Это связано с приемами передачи звуков *ж*, *ш*, *ч* и *щ* в словах, вошедших в финский язык из русского языка. В финском письме чаще всего русское *ж* передается буквосочетанием *zh*, *ш* — *sh*, *ч* — *tsh* и *щ* — *shtsh*. Как мы видим, *щ* передается сочетанием пяти букв. В специальной научной литературе на финском языке звуки *ж* и *ш* передаются знаками *ž* и *š*. Это удобный и простой способ передачи русских *ж* и *ш*. Русское *ч* можно было бы передавать знаком *č* или буквосочетанием *tš*. Русское *щ*, таким образом, можно было бы передавать буквосочетанием *šč* или *štš*. Следовательно, дополнительные буквы отличаются лишь диакритическими знаками. Финский алфавит должен быть приведен в такое состояние, чтобы он полностью соответствовал нашим возросшим культурным запросам в условиях социалистического общества.

Уточнения требует также написание русских имен и собственных названий в финском письме. Это касается, прежде всего, передачи

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV, стр. 99.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 42.

русских мягких согласных. В этом отношении у нас в орфографии нет единства. Пишут по-фински различно: Dniepr, Dnjepr, Днепр; Dniestr, Dnjestr, Dnestr и т. п. Обиходными написаниями являются Dnepr, Dnestr. В практике у нас установилось написание Nezhin, Nertshinsk, Lena, Leningrad, Belgorod, Belgrad, Berditshev, Belostok и т. д. или фамилии Belousov, Belihin, Belovanov, Beljajev, Beljakov и т. д., т. е. укоренилась традиция не обозначать мягкости согласного перед *e*. Графически это написание совпадает с русским написанием. Безусловно, необходимо учесть практический опыт. Мимоходом заметим, что нужно вернуть гражданские права в финском правописании Беломорску и Белоруссии и писать Belomorsk, Belorussija или Valko-Venäjä, а не Bielomorsk, Bielo-Venäjä. Можно бы привести и другие примеры неточного и непоследовательного написания слов, имен и названий русского происхождения. Ограничимся только замечанием, что этот вопрос должен быть разрешен при составлении нормативной грамматики. В грамматике должны быть даны точные правила о написании русских имен и собственных названий.

В какой-то мере неразрешенными все еще остаются и некоторые вопросы написания слов иностранного происхождения. В конце прошлого века в своей грамматике финского языка Сетяля писал: „Написание заимствованных слов в настоящее время является неустойчивым. Это происходит частично от того, что литературное произношение культурных финнов еще не установилось, и частично от того, что на финскую орфографию оказывает влияние орфография иностранных языков (например, *filologi, filoloogi, Eurooppa, Europpa, Europa*). Неустойчивость особенно касается двух вопросов: 1) когда *p, t, k, s* произносятся как двойные и это произношение должно быть обозначено в письме двумя согласными буквами, и когда употребляется один согласный; 2) когда гласные должны произноситься и писаться как долгие и когда нет“. ¹

С тех пор прошло много времени, и орфография в этом отношении является уже более устойчивой, но нельзя сказать, чтобы этот вопрос был уже окончательно разрешен. Например, Л. Кеттунен и М. Ваула пишут следующее: „Труднее знать, когда обозначение гласного является долгим или кратким в тех многочисленных словах иностранного происхождения, которые не стали общенародными заимствованными словами (т. е. не попали в литературный язык через язык народа, как, например, *patruuna, poliisi, konstaapeli*), а являются международными общими словами или так называемыми особыми заимствованиями, вошедшими в язык через литературу“. ²

В другой своей работе Л. Кеттунен пишет: „Уже в течение сорока лет добиваются устойчивости в написании слов иностранного происхождения даже „официальным“ порядком, но до сего времени в этом написании наблюдается неустойчивость. Причиной этой неустойчивости является принцип письма, который весьма непоследователен... Принцип написания кратких гласных в этих словах (в словах иностранного происхождения — *М. Х.*) в 1910 годы... начал почти преобладать, но потом у ученых началась путаница, которая напоминает метание жребия“. ³

¹ E. N. Setälä. Suomen kielioppi. 1925, s. 32.

² L. Kettunen, M. Vaula. Suomen kielioppi, 1943.

³ L. Kettunen. Hyvää vapaata suomea, 1949, s. 10—11.

В изданной в Петрозаводске грамматике финского языка У. Туурала также определены правила написания слов иностранного происхождения. Но на практике эти правила не соблюдаются. Это происходит от того, что, во-первых, пишущие не всегда знают эти правила и, во-вторых, правила написания слов иностранного происхождения не являются достаточно последовательными и обоснованными. Слабой стороной этих правил является то, что заимствованные слова искусственно разделены на две части — на общие и специальные. Общими заимствованными словами (для них существует своя орфография) являются те, которые вошли в литературный язык через разговорный язык; специальными считаются те заимствованные слова, которые вошли в литературный язык через литературу, и для них существует особая орфография. В наших условиях многие заимствованные слова стали общим достоянием, независимо от того, пришли ли они в язык через литературу или через разговорный язык. Трудно, например, решить, вошли ли слова *prikaati* и *paraati* „бригада“ и „парад“ в финский язык через литературу или через разговорный язык, и обосновать, что в последнем случае эти слова нужно писать через долгие гласные и глухие согласные (*prikaati*, *paraati*), а слова *balladi* и *limonadi* надо писать через краткие гласные и звонкие согласные (*balladi*, *limonadi*), ибо они, как будто, вошли в язык через литературу.

На основе вышеизложенного не следует делать вывод, что надо отказаться от всех до сего времени существующих правил по написанию слов иностранного происхождения. Без точных правил не может быть орфографии, не существует норм литературного языка. Вопрос состоит только в том, чтобы еще раз проверить правила написания слов иностранного происхождения, ибо существующие правила не являются до конца удовлетворительными.

Поправки нужно внести также и в трактовку некоторых падежей. Слишком суженно трактуется в существующих грамматиках значение партитива. Нужно внести уточнения в истолкование этого падежа.

Более точно следовало бы определить значение и место различных падежей в системе склонения. Не все падежи в качестве падежных форм являются равноценными, одинаково жизнеспособными, продуктивными. Некоторые из них в системе склонения представляются пережиточными формами. Это прежде всего инструктив, а также абессив и комитатив. Эти три падежных формы во многих отношениях близки к наречным, особенно инструктив.

Существительное или субстантивированное слово в абессиве очень редко имеет при себе определение. Нельзя, например, сказать *pienetta rojatta* „без маленького мальчика“, *punaposkisetä tytötä* „без краснощекой девушки“ и т. д. Комитатив также содержит в себе признаки вымирания в качестве падежной формы. Этот падеж не имеет формы единственного числа, причем определяемое слово выступает только с притяжательным суффиксом.

Имена в инструктиве почти всегда выступают в соединении определения с определяемым. Определяемое слово без определения не может иметь формы инструктива. Обе части образуют единое целое. Кроме того, инструктив употребляется весьма редко. Все это указывает на то, что функции комитатива, абессива и инструктива, как падежных форм, сильно сужены.

Серьезного и вдумчивого подхода требует трактовка инфинитных форм глагола (инфинитивы и причастия, по номенклатуре существую-

щих грамматик). В грамматиках финского языка говорится о четырех инфинитивах (точнее о четырех типах инфинитивов). В грамматиках эстонского языка инфинитивы истолковываются иначе, чем в грамматиках финского языка. Следует отметить, что если инфинитивы эстонского языка очень близки к инфинитивам финского языка, то в них имеются и различия. Но различное истолкование инфинитивов эстонского и финского языков не зависит только от языковых различий, это происходит и от принципов истолкования этих инфинитивов. Мы далеки от мысли, что инфинитивы финского языка обязательно необходимо истолковывать таким же образом, как и инфинитивы эстонского языка в эстонских грамматиках. Этот пример приведен только для иллюстрации того, как одинаковые языковые явления истолковываются различно.

В советской финноугроведческой научной литературе инфинитивы финского языка рассматриваются иначе, чем в грамматиках финского языка. Покойный профессор Д. В. Бубрих делил инфинитивные формы финского языка на три основных раздела: на инфинитивы, герундии и причастия. В его классификации два инфинитива. Один из этих инфинитивов — основной инфинитив — соответствует I краткому инфинитиву действующих грамматик финского языка, например, *ottaa, kysyä* „взять, брать“ и „(с)просить“. Второй — целевой инфинитив, по Д. В. Бубриху, соответствует I долговому инфинитиву существующих грамматик, например *ottaakseni, kysyäkseen* „для того, чтобы взять, брать и (с)просить“ (мне, тебе и т. д.). Об этих инфинитивах Д. В. Бубрих пишет: „Важнейшую роль играют инфинитивные формы, соответствующие инфинитиву других языков, — инфинитивы. Их два, один — широкого употребления, другой — специально для обозначения цели. Это основной и целевой инфинитивы“.

Второй инфинитив существующих грамматик финского языка Д. В. Бубрих характеризует следующим образом: „К инфинитивам морфологически близки две другие *t*-овые инфинитивные формы, — *t*-овые герундии. Их две. Одна, выступающая в случаях вроде *saadessa* „получая“ (когда?), *ottaessa* „беря“ (когда?), употребляется для обозначения одновременного действия, а другая, выступая в случаях *saaden* „получая“ (как?), *ottaen* „беря“ (как?), употребляется для обозначения действия, характеризующего способы образа другого действия“.

Этот инфинитив Д. В. Бубрих рассматривает как герундий, а не как инфинитив. Особенность этих форм глагольных образований заключается в том, что они характеризуют другое действие — характер или одновременность этого действия. Инфинитив не обладает этими особенностями. О III инфинитиве грамматик Д. В. Бубрих пишет: „Особо стоят многочисленные *m*-овые инфинитивные формы — *m*-овые герундии“. Этому III инфинитиву грамматик финского языка свойственно то, что он выступает только при другом глаголе и характеризует состояние другого действия. И в этом случае налицо больше признаков герундия, чем инфинитива.

Д. В. Бубрих к герундиям причисляет такие образования, как: 1) *Minun on meneminen, ei ole menemistä* „Мое есть хождение“, „нет хождения“, т. е. „мне надо идти“, „не надо идти“, 2) *Minun on men-tävä* „мой есть ходимый“, т. е. „мне надо идти“.

Minun on meneminen в грамматиках финского языка причисляется к IV инфинитиву. В эстонских грамматиках образования типа *tepe-*

minen причисляются к существительным,¹ и образование minun on mentävä в финских грамматиках причисляется к причастиям.²

К герундийным образованиям Д. В. Бубрих причисляет такие инфинитные формы, как elettyä(ni), tultua(si), syötyä(nsä), „(я) про- жив, (ты) придя, (он) поев“. Эти образования в грамматике финского языка причисляются к причастиям.

Вопрос об инфинитных формах является большой темой, которой можно посвятить ряд специальных статей. Изучение и обсуждение этой темы необходимо продолжить для ее правильного освещения в наших грамматиках. Нельзя делать скороспелых выводов в трактовке тех или иных грамматических категорий в школьных грамматиках. При этом приходится считаться с существующими традициями.

В грамматиках финского языка полностью отсутствует раздел, посвященный префиксам. Префиксы в финском языке не достигли большого развития. Это для финского языка новое явление. Например, группа слов с префиксом ерä: ерämuksena „неудобный“, ерäedullinen „невыгодный“, ерäoikeutettu „не имеющий на это права, неправомерный“, ерäitäänäinen „неопределенный“, ерähuomio „невнимание“, ерäluotto „недоверие“, ерähuomioida „не принимать во внимание“, ерäonnistua „не удаваться“, ерäkohtelias „невежливый“, ерäitsekkäästi „без эгоизма“ и т. д.; kanssakäyminen „взаимоотношения, взаимосвязь“; kanssa—послелог и префикс, соответствует русскому предлогу с, со; kauttakulku „транзит, сквозной проезд, проход“; kautta—послелог и префикс, соответствует русскому через, чрез; allekirjoittaa, allekirjoitus „подписать, подпись“, räätäkätsöjä „посторонний наблюдатель“, буквально „сверхусмотритель“. К этой группе очень близки такие словообразования, как läpikatsaus „обзор“, буквально „сквозь взгляд“, ylimenokausi „переходный период“, poikkileikkaus „пересечение“, буквально „поперек разрез“; esimies „председатель“. Правда, части eri, esi, yli, läpi, poikki имеют в какой-то мере и самостоятельное значение, но оно выступает только в словосочетаниях, а не отдельно. По своему значению в сложных словах они очень близки к префиксам.

Префиксальных образований сравнительно мало в финском языке, но поскольку они имеют место, этот языковой факт следовало бы признать также и в грамматиках финского языка.

¹ Д. В. Бубрих совершенно правильно различает в образованиях вроде meneminen, menemistä существительные и глагольные образования (герундии). Он пишет: „Формы meneminen, menemistä следует отличать от форм существительных вроде meneminen, буквально „идение“ (при mene „идти“), паритив — menemistä. Первые подчиняют себе другие слова подобно глагольным формам, в частности, являясь переходными, имеют при себе прямое дополнение, вторые же подчиняют себе другие слова по нормам существительных“.

Проф. П. А. Аристэ не видит никаких различий в этом образовании. Он рассматривает его только как отглагольное существительное. Он не принимает во внимание того обстоятельства, что это образование в одних случаях может являться переходным, имеет при себе прямое дополнение (см. его статью в этом сборнике „О некоторых грамматических вопросах финского языка“ стр. 32).

² Совершенно правильно Д. В. Бубрих различает в некоторых внешне одинаково звучащих формах причастия и герундии. Он пишет: „Вместе с тем формы вроде mentävä и mentävää в указанных построениях следует отличать от сходно звучащих форм пассивных причастий незаконченного действия: первые подчиняют себе другие слова подобно активным формам, вторые же являются пассивными образованиями; соответственно первые могут быть образованиями от любого глагола, вторые же только от переходного или используемого как переходный“.

Уточнения и обсуждения требует, по нашему мнению, существующее в грамматиках традиционное определение основы, показателей числа, времени, наклонений и окончаний (лица и падежа). Определение основы, показателей и окончаний в грамматиках не является достаточно ясным и последовательным. Это положение вынужден был признать Э. Сетяля еще в конце прошлого столетия в своем предисловии к грамматике финского языка. Он пишет следующее по этому вопросу: „По этой причине надо было продолжать и развивать учение об основе. Историческую основу слова при этом нельзя брать в расчет. Но поскольку все же необходимо говорить об окончаниях, и поскольку выделение основы и окончания, с точки зрения современного языка, имеет только психологическое значение, то я просто назвал основой слова ту часть звукового материала, которая остается после выделения из нее окончания“.

В упомянутой выше грамматике Л. Кеттунена и Ваула дается такое определение основы и окончания:

„Окончанием является присоединившийся к концу слова звук или группа звуков, которые показывают службу (задачу) слова в предложении.

Основой является та часть слова, к которой присоединяется окончание. Показателем¹ (лица, числа, падежа) является присоединившийся к словарной основе звук или звуко сочетание, при помощи которых образуется особая основа склонения и спряжения“.

Туурала в своей грамматике дает такие определения основе, показателю и окончанию:

„Основой является та часть изменяемой формы, которая выражает основное значение слова...

Показатель придает основе дополнительное значение, и при его помощи образуется подоснова...

Окончание показывает отношение слова к другим словам“.²

В наших грамматиках применяется еще и термин „лексическая основа“. При определении основы употребляются такие названия, как основа, лексическая основа, подоснова, основа склонения и спряжения.

Какое новое значение придают показатели (времени, наклонения, числа) основе, на это наши грамматики не дают никакого ответа. Если действительно показатель придает новое значение основе, то в таком случае следовало бы говорить о словообразовании, а не о словоизменении.

Приведем еще один пример определения основы, окончания и других показателей. В грамматике Туурала говорится следующее об употреблении единственного и множественного числа: „Существительные имеют два числа: единственное и множественное. Единственное число употребляется, когда речь идет об одном предмете. Например, *kirja*, *toveri*, *kaupunki*, *joki*, *lippi*. Множественное число употребляется, когда речь идет о нескольких предметах. Например, *kirjat*, *toverit*, *jokia*, *kaupungeita*, *lippija*.

¹ Окончанием в грамматиках финского языка называются падежное и личное окончания. Показателями называются приметы, показатели времени, наклонения, инфинитивов, множественного числа в косвенных падежах, стоящие перед окончанием падежа или числа. Притяжательные суффиксы, несмотря на то, что стоят после падежных окончаний, т. е. в самом конце слова, окончаниями не называются.

² U. Tuurala. Suomen kielen kielioppi, I osa. Petroskoi, 1950, s. 27.

Именительный падеж единственного числа не имеет окончания. Окончанием именительного падежа множественного числа является *t*, которое присоединяется к лексической основе“.

В приведенном примере косвенно признается тот факт, что значение слова, следовательно и основа слова, не изменяется от того, стоит ли слово в единственном или во множественном числе. Речь идет только о числе.

Показатель множественного числа в именительном падеже стоит в конце слова. Он (*t*) назван окончанием потому, что стоит в конце слова и не причисляется к подоснове слова. А в косвенных падежах множественность показывает *i*, и так как оно (*i*) стоит всегда перед падежными окончаниями, а не в конце слова, то оно названо показателем (признаком) числа: *i* (в грамматиках) входит уже в состав основы только потому, что оно не стоит в конце слова.

Показатель (признак), согласно нашим грамматикам, придает основе дополнительное значение. По нашим грамматикам, показатель множественного числа *t* является окончанием и не придает основе дополнительного значения, а показатель множественного числа *i* в косвенных падежах является показателем (а не окончанием) и придает основе дополнительное значение. Так говорится в учебниках.

На самом деле ни *t*, ни *i* не придают основе никакого нового, дополнительного значения; они являются равноценными в языке и входят в одну и ту же языковую категорию.

Разница лишь в том, что один из этих показателей стоит в конце слова, поскольку именительный падеж в финском языке не имеет никакого падежного окончания, а другой — перед падежным окончанием, поскольку косвенные падежи имеют падежные окончания. Можно ли на основании такой классификации в одних случаях относить показатель множественного числа к окончаниям, а в других — причислять его к основе?

Из вышеизложенного следует вывод, что теоретическое определение основы, показателей и окончаний не доведено до конца.

* * *

В этой краткой статье приведены только некоторые примеры того, какие вопросы возникают в нашей работе при составлении грамматики. Таких вопросов накопилось уже много, и в процессе работы их будет возникать еще больше.

В статье совершенно не затронуты вопросы, связанные с синтаксисом. В ней поставлены только некоторые вопросы фонетики, орфографии и морфологии, т. е. тех разделов, которые имеют непосредственное отношение к первой части грамматики.

Нормативная грамматика должна освещать факты современного финского литературного языка, но не следует избегать и некоторых исторических экскурсов, когда те или иные факты действительно потребуют исторического разъяснения.

При составлении грамматики должно быть учтено все то положительное, что достигнуто в изучении грамматического строя финского языка.

Из советских учебников для средней школы следует упомянуть грамматику (морфология и синтаксис) У. Туурала.

Большим подспорьем в нашей работе будут являться также исследования Д. В. Бубриха по истории финского языка.

По вопросам грамматики надо организовать научные дискуссии и общими усилиями разрешать проблемные вопросы, связанные с грамматикой. В этих целях и автор настоящей статьи поставил на обсуждение некоторые вопросы финской грамматики.

Составление грамматики должно стать нашим общим делом и только общими усилиями мы сумеем выполнить возложенную на нас задачу.
